

Глава 1. Дом, милый дом. (Джинни)

Поездка от вокзала Кингс-Кросс до Косой аллеи прошла... неприятно. Рон аж сиял предвкушением чего-то. Мама – столь же сосредоточенно к чему-то готовилась. Единственные, на ком я могла отдохнуть – были близнецы. Они просто и без затей обдумывали какую-то пакость, несказанно веселясь при этом. Папа же... папа просто боялся. Иногда мне становится очень обидно, что дар эмпатии у меня не сопровождается столь же развитой легилеменией... а иногда я неустанно благодарю Мерлина за это. Воспринимать чужие эмоции – это и само по себе бывает достаточно тяжелым грузом, а если бы к этому добавилось знание чужих мыслей... С другой стороны, чувствовать эмоции ближнего, но не знать – чем именно они вызваны – тоже тяжело. Но, на всякий случай, я приготовилась к грандиозной выволочке сразу за все: и за признание на суде, и за сцену в Больничном крыле, и за объятия в поезде... да и за чемодан, которым Гарри запустил в папу – тоже.

В Гринготтсе мама отнюдь не поспешила занять очередь. Напротив – она бродила в холле банка, периодически вызывая заклятием «Темпус» точное время.

Гарри и Гермиона с семьей появились почти через полчаса. Сцена, разыгранная мамой, чуть не заставила меня покраснеть. А уж как посмотрели на нее гоблины, когда она выходила из банка, шипя сквозь зубы «Проклятые недомерки!»

В общем, скандал представлялся мне уже совершенно неизбежным. Тем более, что Рон поспешил наябедничать о моем непристойном поведении в поезде. Как ни странно, но ярость матери это известие уняло просто мгновенно, и она сжала меня в крепких объятиях под стук ударившейся об землю челюсти младшего из моих старших братьев.

— Доченька! А я и не думала, что ты у меня такая умница! Ты далеко превзошла мать. Хвала Мерлину! – Мама искренне захлебывалась радостью, а я не понимала – к чему это?

— Но мама... — Начал было Рон.

— Помолчи. – Оборвала его мама. – Ты еще даже не начал выполнять свое задание. А она уже пролезла к Гарри в подруги. Вторые, третьи – это уже не столь важно. Осталось устранить соперницу...

Я замерла в ужасе. Мама... Что же ты... Хотя, да. Она же не воспринимает чувств Гарри, не знает, какая буря охватывает его, когда он смотрит на Гермиону, не чувствует его яростной жажды крови, когда он хотя бы придумывает себе опасность, угрожающую ей!

А вот папа, судя по охватившей его панике – чувствует, и очень даже хорошо. Неужели мой талант не «просто так», а наследственный? Тогда становится понятным его поведение на суде. Своей яростью Гарри просто смял его, даже не заметив этого. Да и мне временами становилось... нехорошо. Вот только гнев Гарри был направлен на других, и задевал меня только отголосками. Папа же выхватил его полной мерой.

Я уже хотела возмущенно высказать маме все, что думаю о ее наполеоновских планах, когда мне в голову пришла мысль. Как? Как можно рассказать слепому об ударе молнии? Какими словами, пусть и высеченными в камне можно объяснить глухому, как грозно рокочет за горизонтом гром? А значит – остается только поддакивать, соглашаться... и делать все, чтобы удержать маму подальше от Гарри и Гермионы.

— Мама... — Я покрепче прижалась к ней. – Только, пожалуйста, не надо мне помогать. Сегодняшняя встреча в банке – скорее оттолкнула, чем привлекла Гарри. И только усилила его

связь с Гермионой. Видела, как он ее за собой прятал от Рона? - Матушка задумалась.

— Какая у меня умненькая девочка! Наверное, ты права. В мое время все было по-другому, и наверное, мне стоит отойти в сторону, и дать дорогу молодым. У тебя действительно все получается лучше, чем у меня. Это такая радость для матери - видеть, что дочь ее превзошла!

После того, как мы разложили наши вещи в своих комнатах, меня утянули за собой близнецы.

— Джинни! Ты - рехнулась? Ты что творишь?! Ты серьезно решила... — перехватывая друг за другом обрывки фраз возмущались они. Как ни странно, я отлично их понимала.

— Нет. Я отнюдь не сошла с ума. И я не собираюсь предпринимать что-либо против Гермионы - отлично понимаю, что это самоубийство.

— Но тогда...

— ...почему?! - заинтересовались близнецы.

— Я-то понимаю. А вот объяснить маме - не могу. Зато пока она думает, что я готовлю какой-то хитрый план того, как мне обойти Гермиону - она не будет лезть в это дело сама. А ведь она может, - близнецы переглянулись и с уважением посмотрели на меня. - Так что мне остается только внимательно ее слушать, принимать к сведению ее «хитрые» советы, кивать и соглашаться... А то ведь...

— Прости... - начал Фред

— ...сестренка ты... - продолжил Джордж

— ...и вправду умна, - закончили они оба.

— Только, ребята, — попросила я их, — пожалуйста, не прекращайте проказничать. Если она все время будет мне «подсказывать» очередные «правильные» шаги и «хитрые» планы... Я ведь действительно с ума сойду.

— Хорошо, мы...

— ...отвлечем...

— ...матушку.

— Спасибо. С меня... — начала я, но Фред прервал меня.

— Не надо. Ты действуешь в интересах семьи - с нашей стороны было бы подлостью не помочь тебе. Но ты же не обидишься...

— ...на пару... или тройку...

— ...или десяток шуток... совсем...

— ...безобидных? - близнецы вернулись к своей излюбленной манере.

— Будет странно, если вы исключите меня из своих развлечений, - вздохнула я, понимая, что лето ожидается длинное и непростое.

Как ни странно, первая неделя каникул выдалась спокойной и ознаменовалась разве что тем, что волосы Рона, несмотря на все магические усилия мамы и папы, упорно становились нежно-фиолетового цвета каждое утро. Близнецов ругали и наказывали. Те смотрели самыми честными глазами, отрицая свое участие в данной проделке, чем только усиливали уверенность мамы и папы в том, что это их рук дело. На меня родители так и не подумали. А это была моя «превентивная», так, кажется, выражался Гарри, месть за все будущие шутки разом. Впрочем, сами близнецы вычислили меня мгновенно. Но, поняв, что я не обновляю заклятье каждое утро, а действительно навесила самовосстанавливающуюся гадость, к которой так больше и не прикасалась, да еще и не использовав палочку, и не навлекая на свою голову гнев Надзора за соблюдением декрета «О разумном ограничении колдовства несовершеннолетних», парни только втихую показывали мне большие пальцы.

Так что сегодня я легла спать, спокойная и уверенная в том, что завтра утром встану и снова полюбуюсь на фиолетовую шевелюру...

* * *

Черный песок под ногами. Страшные металлические големы яростно атакуют друг друга. Всюду огонь, взрывы... И при этом я почти не чувствую магии. А из эмоций – только ярость и ощущение страшного предательства. Причем, преданными ощущают себя все, кто сошелся на этом жутком поле.

Четырехметровых голем рухнул возле меня... и под ним стала расплываться кровавое пятно. Это... это не големы?! Люди?! Но люди не бывают такими громадными! Даже Хагрид был бы любому из них в лучшем случае – по плечо!

То, что представлялось мне башней вдалеке, сделало шаг. И море огня залило поле битвы, испепелив сразу сотню бойцов обеих сторон, не различая своих и чужих.

Сражающиеся не замечали меня. Но мне все равно приходилось отчаянно прыгать, стараясь уклониться от их ужасных мечей, лезвия которых были похожи на движущиеся пилы, и их странного колдовства, взрывающего землю, и разрывающего толстую сталь, в котором я не ощущала никакой магии.

Внезапно я застыла, глядя на нечто, совершенно неуместное здесь: среди крови и огня страшной битвы порхала бабочка. Черная бабочка. Вот она уселась мне на плечо, и я услышала знакомый голос. Тот самый голос девушки, появившейся в Тайной комнате.

— Мы спасли тебя... — сказала то ли девушка, то ли бабочка.

— Я помню и признаю Долг, – а что еще мне оставалось сказать?

— Тогда – следуй за Посланицей.

И само пространство распахнулось передо мной вратами, просто разорвав нескольких бойцов, так и не заметивших ни меня, ни бабочки.